

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 3135-8055.
Vol. 13. Is. 5, pp. 1391-1409, 2026
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

IRSTI / FTAXP / MPHTI 03.20
https://doi.org/10.51943/3135-8055_2026_13_5_1391-1409

MILITARY-ADMINISTRATIVE AND AGRARIAN COLONIZATION OF ZHETYSU IN THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

Bakhytzhan A. Dzhursinbaev¹, Askhat Zh. Toibayev^{2*}

¹Kazakh National Women’s Teacher Training University, Department of History
(114 Gogol Street, 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Acting Associate Professor
 <https://orcid.org/0000-0001-7476-4968>. E-mail: bakytzhan_72@mail.ru

²Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko Street, 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Master of Social Sciences, Junior Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-9688-5856>. E-mail: askhat19@list.ru
*Corresponding author

© Valihanov IHE, 2026
© Dzhursinbaev B. A., Toibayev A. Zh., 2026

Abstract. *Introduction.* The article examines the colonization of Zhetysu as a prolonged process linking military expansion, administrative consolidation, Cossack settlement, and the formation of a peasant-resettlement land fund. *Aim and objectives.* The study traces the sequence and interrelation of these mechanisms from the establishment of the Ayaguz district to the crisis of 1916, focusing on resettlement institutions, changing land use, and ethnodemographic consequences. *Materials and methods.* The source base includes legislation, the 1897 census, reports of the Semirechye Resettlement Organization, documentary collections on the 1916 uprising, and modern Kazakhstani and international scholarship. Historical-comparative, problem-chronological, statistical, and source-critical methods are applied. *Results.* The military-administrative infrastructure of the 1830s–1860s enabled systematic land management in the early twentieth century. The category of “surplus land” converted mobile land use into accounting norms; in 1910 alone, thirty-two plots totaling 71,351 desiatinas were designed in the Verny subdistrict. Census and resettlement data reveal rapid settler growth and a marked disparity between the settlers’ population share and their control of land. *Conclusion.* Colonization altered migration routes, access to water and arable land, the ethnodemographic composition, and intergroup relations. The land question was not the sole cause of the 1916 uprising, but it formed one of its principal structural preconditions.

Keywords: Zhetysu, colonization, resettlement, land use, Alatau District, Cossacks, 1916 uprising

Acknowledgements. This research was conducted with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan under the program-targeted funding project “Interdisciplinary Study of Regional Aspects of the History of Kazakhstan (Based on New Archival Materials and Folklore Works)” (registration number BR28512385).

For citation: Dzhursinbaev B. A., Toibayev A. Zh. Military-administrative and agrarian colonization of Zhetysu in the nineteenth and early twentieth centuries// Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Vol. 13. No. 5. Pp. 1391–1409. (In Rus.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1391-1409

XIX ҒАСЫР – XX ҒАСЫР БАСЫНДАҒЫ ЖЕТІСУДЫ ӘСКЕРИ-ӘКІМШІЛІК ЖӘНЕ АГРАРЛЫҚ ОТАРЛАУ

Жүрсінбаев Бақытжан Әбсаматұлы¹, Тойбаев Асхат Жүнісұлы^{2*}

¹Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті
(114-үй, Гоголь көшесі, 050000 Алматы, Қазақстан Республикасы)
тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор міндетін атқарушы
<https://orcid.org/0000-0001-7476-4968>. E-mail: bakytzhan_72@mail.ru

²Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көшесі, 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
әлеуметтік ғылымдар магистрі, кіші ғылыми қызметкер
<https://orcid.org/0000-0002-9688-5856>. E-mail: askhat19@list.ru

*Автор-корреспондент

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Жүрсінбаев Б. Ә., Тойбаев А. Ж., 2026

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақалада Жетісуды отарлау Ресей империясының әскери ілгерілеуі әкімшілік мекемелерді құрумен, казактарды қоныстандырумен және кейін қоныс аудару жер қорын қалыптастырумен ұштасқан ұзақ үдеріс ретінде қарастырылады. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты Аягөз округі құрылған кезден 1916 жылғы дағдарысқа дейінгі отарлау тетіктерінің реттілігі мен өзара байланысын анықтау. Империяның әскери-саяси орнығуы, қоныс аудару мекемелерінің қызметі, жер пайдаланудың өзгеруі және этнодемографиялық салдар талданады. *Материалдар мен әдістер.* Дереккөздер қатарын нормативтік актілер, 1897 жылғы санақ материалдары, Жетісу қоныс аудару ұйымының есептері, 1916 жылғы көтеріліс туралы құжаттар және қазіргі қазақстандық әрі шетелдік зерттеулер құрады. Тарихи-салыстырмалы, проблемалық-хронологиялық, статистикалық және деректанулық әдістер қолданылды. *Нәтижелер.* 1830–1860 жылдары қалыптасқан әскери-әкімшілік инфрақұрылым XX ғасыр басындағы жүйелі жерге орналастыруға жағдай жасағаны анықталды. «Артық жер» ұғымы көшпелі жер пайдалануды есептік нормаға айналдырды; 1910 жылы Верный ауданшасының өзінде 71 351 десятина болатын 32 телім жобаланды. Санақ және қоныс аудару деректерін салыстыру сырттан келген халық санының тез өскенін және оның үлесі мен жер қорын бақылауы арасындағы сәйкессіздікті көрсетеді. *Қорытынды.* Отарлау көш жолдарының аумақтық құрылымын, су мен егістік жерлердің бөлінісін, этнодемографиялық құрамды және халық топтарының өзара қатынасын өзгертті. Жер мәселесі 1916 жылғы көтерілістің жалғыз себебі болған жоқ, бірақ оның негізгі құрылымдық алғышарттарының бірін қалыптастырды.

Түйін сөздер: Жетісу, отарлау, қоныс аудару, жер пайдалану, Алатау округі, казактар, 1916 жылғы көтеріліс

Алғыс: Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру аясындағы «Қазақстан тарихының аймақтық аспектілерін пәнаралық зерттеу (жаңа архивтік материалдар мен фольклорлық шығармалар негізінде)» жобасының қаражаты есебінен орындалды (тіркеу нөмірі BR28512385).

Дәйексөз үшін: Жүрсінбаев Б. Ә., Тойбаев А. Ж. XIX ғасыр – XX ғасыр басындағы Жетісуды әскери-әкімшілік және аграрлық отарлау// Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Т. 13. № 5. 1391–1409 бб. (Орыс.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1391-1409

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ И АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЖЕТЫСУ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Бахытжан Абсаматович Джурсинбаев¹, Асхат Жунисович Тойбаев^{2*}

¹Казахский национальный женский педагогический университет
(д. 114, ул. Гоголя, 050000 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, исполняющий обязанности ассоциированного профессора
 <https://orcid.org/0000-0001-7476-4968>. E-mail: bakytzhan_72@mail.ru

²Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
магистр социальных наук, младший научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-9688-5856>. E-mail: askhat19@list.ru

*Автор-корреспондент

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026

© Джурсинбаев Б. А., Тойбаев А. Ж., 2026

Аннотация. *Введение.* Колонизация Жетысу рассматривается как длительный процесс, в котором военное продвижение Российской империи было связано с созданием административных учреждений, казачьим расселением и последующим формированием переселенческого земельного фонда. *Цель и задачи.* Цель исследования состоит в выявлении последовательности и взаимосвязи основных механизмов колонизации края от учреждения Аягузского округа до кризиса 1916 г. Анализируются военно-политическое закрепление империи, работа переселенческих учреждений, трансформация землепользования и этнодемографические последствия. *Материалы и методы.* Источниковую основу составили нормативные акты, материалы переписи 1897 г., отчеты Семиреченской переселенческой организации, документы о восстании 1916 г., а также современные казахстанские и зарубежные исследования. Применены историко-сравнительный, проблемно-хронологический, статистический и источниковедческий методы. *Результаты.* Установлено, что военно-административная инфраструктура 1830–1860-х гг. создала условия для системного землеустройства начала XX в. Категория «земельных излишков» позволяла переводить мобильное землепользование в учетные нормы; при этом в 1910 г. только в Верненском подрайоне проектировались 32 участка площадью 71 351 десятина. Сопоставление переписных и переселенческих данных показывает быстрый рост пришлого населения и несоразмерность между его долей и контролем над земельным фондом. *Заключение.* Колонизация изменила территориальную организацию кочевий, распределение воды и пахотных земель, этнодемографический состав и отношения между группами населения. Земельный вопрос не был единственной причиной восстания 1916 г., но сформировал одну из его ключевых структурных предпосылок.

Ключевые слова: Жетысу, колонизация, переселение, землепользование, Алатауский округ, казачество, восстание 1916 года

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств проекта программно-целевого финансирования «Междисциплинарное исследование региональных аспектов истории Казахстана (на основе новых архивных материалов и фольклорных произведений) Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (регистрационный номер BR28512385)».

Для цитирования: Джурсинбаев Б. А., Тойбаев А. Ж. Военно-административная и аграрная колонизация Жетысу в XIX – начале XX века// Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Т. 13. № 5. С. 1391–1409. (На Рус.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1391-1409

Введение. История колонизации Жетысу редко укладывается в одну дату или одно административное решение. В историографии начало процесса связывают то с принятием части родов Старшего жуза в российское подданство, то с учреждением Аягузского округа, строительством Капала и Верного, образованием Алатауского округа или созданием Семиреченского казачьего войска. Каждая из этих дат отражает реальный перелом, но по отдельности они не объясняют, каким образом военное присутствие превратилось в устойчивый порядок управления, а затем в систему перераспределения земли. Для понимания процесса важна не только последовательность решений, но и связь между крепостью, чиновничьим аппаратом, контролем над местной элитой, землеустроительной съемкой и переселенческим участком.

В данной статье колонизация понимается как совокупность практик, посредством которых имперская власть закрепляла территориальный контроль и меняла условия доступа к земле, воде и путям перекочевков. Такое определение позволяет рассматривать военные походы, административные реформы и крестьянское переселение не как самостоятельные сюжеты, а как взаимозависимые стадии. Военная линия обеспечивала безопасность новых учреждений и поселений; окружное управление превращало политическое подчинение в повседневный надзор; статистическое описание и землеустройство создавали язык, на котором пастбища объявлялись «излишними»; переселенческая организация направляла на образованные участки новые семьи и снабжала их кредитом и инвентарем.

Жетысу было пограничным пространством сразу в нескольких отношениях. Здесь соприкасались интересы Российской и Цинской империй, Кокандского ханства, казахских и кыргызских родов. Через Илийскую долину проходили дороги в Кульджу, Кашгар и Ташкент. Политическая ориентация местных правителей зависела не только от внешнего давления, но и от споров о зимовках, сенокосах и водных источниках. Имперская администрация использовала эти противоречия, однако не создала их с нуля. Земельные конфликты между отдельными группами существовали и ранее, а переход под покровительство России мог восприниматься частью султанов и биев как способ получить союзника в местной борьбе. Тем важнее различать мотивы участников и не сводить все решения казахской элиты либо к добровольному присоединению, либо к пассивному подчинению.

Проблема статьи состоит в том, что в большинстве обобщающих изложений военное завоевание середины XIX века и массовое крестьянское переселение начала XX века разделены хронологически и тематически. Между тем документы Семиреченской переселенческой организации показывают преемственность институтов и пространственных решений. Районы, где ранее размещались крепости, станицы и посты, позднее становились центрами землеустроительных партий и переселенческих подрайонов. К началу XX века колонизация уже не требовала непрерывных крупных походов. Ее ежедневную работу выполняли землемеры, статистики, агрономы, инженеры, кредитные учреждения и временные комиссии.

Научная новизна исследования определяется тремя уточнениями предшествующей историографии. Во-первых, пересматривается раздельное рассмотрение военно-политического продвижения 1830–1860-х гг. и крестьянского переселения начала XX в. На материале Аягузского округа, Капала, Алатауского округа и Семиреченского переселенческого управления показано, что между ними существовала институциональная преемственность: укрепление и округ создавали юрисдикцию и инфраструктуру, казачье землевладение закрепляло территорию, а статистическая съемка и землеустроительные партии переводили ее в переселенческий фонд. Во-вторых, уточняется распространенное представление о колонизации как о простом росте пришлого населения. Разведение стадий «обследовано — спроектировано — зачислено — водворено» и сопоставление доли переселенцев с контролируемой ими землей показывают, что административный проект и демографический результат не совпадали. В-третьих, земельный вопрос включен в многофакторное объяснение 1916 г.: он рассматривается не как единственная причина, а как

длительная структурная предпосылка, соединившаяся с мобилизацией, налогами, реквизициями, продовольственным дефицитом и кризисом доверия к власти.

Новый результат статьи состоит в реконструкции проверяемой институциональной цепочки «военное укрепление — окружное управление — казачий земельный отвод — съемка землепользования — расчет нормы — образование участка — водворение семьи». Для военно-административной истории это раскрывает функцию округов и станиц как инфраструктуры последующего землеустройства; для истории переселенческой политики — показывает процедуру превращения сезонно используемых угодий в категорию «излишков»; для исторической демографии — фиксирует несоразмерность между численностью переселенческого населения и его доступом к земельному фонду. Тем самым вклад исследования заключается не в добавлении еще одного общего описания колонизации, а в соединении ранее разнесенных сюжетов и проверке причинной связи между ними по нормативным, статистическим, картографическим и делопроизводственным источникам.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить превращение военно-политического контроля над Жетысу в административно-земельный порядок и определить его основные последствия для населения края. Для достижения этой цели необходимо решить четыре задачи: установить роль Аягузского округа, Капала, Приставства Большой орды и Алатауского округа в формировании имперской инфраструктуры; показать формы сопротивления и сотрудничества местного населения; выяснить, как казачье расселение подготовило переход к крестьянской колонизации; сопоставить риторику официальных документов с количественными данными о земельных отводах и переселенцах.

Рабочий тезис заключается в том, что колонизация Жетысу развивалась не по прямой линии от завоевания к заселению. Имперская власть неоднократно сталкивалась с сопротивлением, зависела от местных посредников и корректировала тактику. Однако к началу XX века созданные ранее военные и административные опоры позволили перевести территорию края в режим регулярного землеустроительного освоения. Именно сочетание принуждения, посредничества и бюрократического учета сделало колониальный порядок устойчивым.

Материалы и методы. Источниковая база исследования построена из нескольких взаимопроверяющих групп. К нормативным источникам относятся закон 13 июля 1889 г. о добровольном переселении и статья 120 Положения 1891 г. с примечанием о передаче государству земель, признанных «излишними» для кочевников (Положение, 1891: 143; Morrison, 2012: 19–20). Их сопоставление с административной практикой позволяет различать формальную правовую норму и способы ее применения на местах.

Вторую группу составляют опубликованные материалы ведомственного учета: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., «Обзор Семиреченской области за 1910 год», отчеты переселенческой организации, а также материалы обследования хозяйства и землепользования. Перепись дает исходный срез языкового и конфессионального состава населения, тогда как переселенческие отчеты фиксируют динамику проектирования участков, регистрации, зачисления и водворения семей. Эти категории не отождествляются: проект участка не доказывает его фактического заселения, а регистрация семьи — ее долговременного закрепления.

Третья группа включает делопроизводство Семиреченского переселенческого управления, введенное в научный оборот Г. Б. Тлеубековой и ее соавторами. Фонд 19 Центрального государственного архива Республики Казахстан содержит журналы совещаний, отчеты за 1906–1913 гг., материалы Семиреченской партии 1905 г., инструкции, списки, переписку и проекты участков (Мухатова и др., 2020: 641). Эти документы используются не как нейтральное описание, а как продукт учреждения, заинтересованного в расширении земельного фонда и демонстрации результативности своей работы.

Для анализа причин и последствий восстания 1916 г. использованы четыре взаимодополняющие группы материалов: распоряжения и телеграммы администрации, опубликованные в сборниках 1960 и 2016 гг.; ранние свидетельства и очерки И. Жансугурова; статистика военных повинностей и мобилизации, обобщенная Э. Д. Соколом; современные исследования А. Чокобаевой и авторов коллективной монографии 2019 г. (Восстание..., 1960; Котюкова, 2016: 57–60, 95–99; Sokol, 1954: 67–78; Morrison et al., 2019: 145–226). Административные документы фиксируют язык власти и поэтому сопоставляются со свидетельствами местного населения и позднейшей историографией. Это позволяет отделить непосредственный повод — указ 25 июня — от накопленных земельных, налоговых и хозяйственных противоречий.

В работе применены проблемно-хронологический, историко-сравнительный, статистический и источниковедческий методы. Количественные сведения проверяются по происхождению показателя и стадии учета; имперские категории «киргиз-кайсак», «кара-киргиз», «душевая доля» и «излишек» рассматриваются как исторические термины, а не как прозрачные современные классификации. Сопоставление данных разных лет проводится с учетом изменения границ, состава населения и методики учета.

Особое значение имеет «Обзор Семиреченской области за 1910 год». В его первой главе дан отчет о работе семи подрайонов Семиреченской переселенческой организации: Верненского, Джаркентского, Пржевальского, Нарынского, Пишпекского, Копальского и Лепсинского. Документ фиксирует проектирование участков, выявление так называемых земельных излишков, съемку территорий казахских и кыргызских волостей, образование переселенческого фонда, регистрацию и водворение переселенцев, выдачу ссуд и проведение ирригационных работ (Обзор Семиреченской области, 1911: 1–18). Это не нейтральное описание края, а отчет учреждения, заинтересованного в демонстрации результативности собственной деятельности. Поэтому количественные сведения используются вместе с анализом языка документа.

Для характеристики общеимперской переселенческой политики привлечен труд А. А. Кауфмана. Автор, работавший на рубеже XIX–XX веков, критически оценивал представление о неограниченной колонизационной емкости азиатских окраин и обращал внимание на стоимость землеустройства, риск разорения переселенцев и ограниченность земель,

пригодных для земледелия (Кауфман, 1905: 225–234, 344–345). Его наблюдения помогают избежать упрощенного противопоставления полностью организованной государственной политики и стихийного движения крестьян: на практике эти формы сосуществовали.

Дореволюционная библиография А. Е. Алекторова использована для оценки того, как к концу XIX века накапливались сведения о хозяйстве, землепользовании и российском присутствии в степи (Алекторов, 1900: 23–46, 53–70). Работы Ч. Ч. Валиханова дают описание Заилийского края и политического положения Кокандского ханства (Валиханов, 1984: 173–180; Валиханов, 1985: 315). События 1916 года и вопрос о возвращении беженцев рассмотрены по труду С. Д. Асфендиярова, написанному на основе доступного автору документального материала и свидетельств участников (Асфендияров, 1936: 135).

Современная историография представлена исследованиями Н. Е. Бекмахановой, Б. С. Абеновой, А. Ш. Махаевой, А. Моррисона, А. Е. Бектурганова, Н. К. Байгабатовой и Г. М. Исаковой. Обобщающие и региональные выводы этих работ сопоставлены с новейшими исследованиями (Абенова, 2019; Исакова, Байгабатова, 2013: 72–77; Morrison, 2020). Статья Г. Б. Тлеубековой важна как специальный источниковедческий анализ документов Семиреченского переселенческого управления (Тлеубекова, 2021б: 74–83). Использование работ разных периодов требует учета языка и исследовательской позиции авторов. В дореволюционных публикациях понятия «присоединение», «замирение» и «водворение» выражали точку зрения администрации. В советской литературе преобладала классовая интерпретация, но одновременно в научный оборот вводился большой массив документов. Современные исследования расширили анализ за счет истории империй, пограничий и миграций.

Обсуждение. Оценка колонизации Жетысу менялась вместе с политическим и методологическим контекстом. Дореволюционные авторы чаще описывали продвижение империи как установление порядка на беспокойной границе и расширение торговли. Военные укрепления представлялись средством защиты караванов и населения от Коканда, а деятельность окружной администрации — распространением законности. П. П. Румянцев связывал российское продвижение с изменением политической обстановки в Центральной Азии и ослаблением соседних государств (Румянцев, 1910: 34). Такой подход отражал официальный взгляд, но содержащиеся в этих работах сведения о составе отрядов, устройстве станций и земельных отводах сохраняют источниковую ценность.

В советской историографии произошел поворот к изучению социально-экономических причин и антиколониального сопротивления. Е. Б. Бекмаханов показал стратегическую роль Капала и Приставства Большой орды в продвижении к Илийской долине (Бекмаханов, 1957: 133–134). Его анализ важен тем, что административное учреждение рассматривается не как обычная ступень управления, а как инструмент территориальной экспансии. Н. Е. Бекмаханова связала этот процесс с формированием многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии, уделив внимание миграциям и изменению расселения (Бекмаханова, 1980: 152–157). С. Д. Асфендияров, анализируя 1916 год, рассматривал земельный вопрос и колонизацию как фундаментальные причины восстания, хотя его классовая терминология была обусловлена временем написания труда.

Историография восстания 1916 г. в статье не ограничивается трудом С. Д. Асфендиярова. Классическая зарубежная монография Э. Д. Сокола связала выступление с совокупным давлением мировой войны, реквизиций, налогов и непродуманного проведения мобилизации (Sokol, 1954: 67–78). Современный коллективный труд под редакцией А. Моррисона, К. Дриё и А. Чокобаевой разграничивает непосредственный повод, колониальный кризис, динамику насилия в Семиречье и проблему беженцев и повторного расселения (Morrison et al., 2019: 1–26, 145–168, 209–226). Е. Буланов обосновал источниковую ценность очерков И. Жансугурова, записанных по свидетельствам участников и очевидцев событий в Джаркентском и Лепсинском уездах (Буланов, 2025: 633–649). Такое сопоставление позволяет учитывать

советскую, зарубежную и современную казахстанскую интерпретации, не сводя восстание ни к классовой схеме, ни к одной причине.

В постсоветский период исследователи подробнее изучили региональные механизмы власти, деятельность переселенческих учреждений и влияние колонизации на расселение. М. К. Койгельдиев раскрыл управление Жетысу как систему политического контроля и освоения ресурсов (Койгельдиев, 2004). А. Ш. Махаева показала, что сопротивление Тойшыбек бия опиралось на сеть родовых и межрегиональных связей (Махаева, 2006: 17, 115). Г. Б. Тлеубекова обосновала самостоятельную источниковую ценность делопроизводства Семиреченского переселенческого управления и проследила превращение временной партии 1905 г. в постоянно действовавшее управление (Тлеубекова, 2021а: 169–184; Мухатова и др., 2020: 641–650). Н. К. Байгабатова связала земельные изъятия с изменением этногеографии и плотности родового расселения (Байгабатова, 2024: 147–153). Д. А. Черниенко, А. Ж. Тойбаев отметили изменения, которые происходили в численности и составе населения региона на рубеже XIX–XX вв. в контексте этнодемографической истории Жетысу (Черниенко, Тойбаев, 2026: 1179–1182).

Зарубежная историография позволяет поместить региональный материал в сравнительную рамку истории имперских окраин. А. Моррисон, анализируя ревизию К. К. Палена, показал конфликт между центральным Переселенческим управлением и местной администрацией: спор шел не только о темпе колонизации, но и о законности признания обрабатываемых и орошаемых земель «излишними» (Morrison, 2012: 13–20). А. Чокобаева рассматривает Жетысу как пространство государственного строительства, где контроль над территорией и ресурсами был связан с безопасностью границы и завершился особенно острым кризисом 1916 г. (Chokobaeva, 2016: 36–45).

Отдельное направление составляет изучение крестьянского переселения и документов переселенческих учреждений. Г. Б. Тлеубекова обосновала значение делопроизводства Семиреченского переселенческого управления как самостоятельного комплекса источников. Эти документы позволяют проследить не только общий курс правительства, но и конкретные процедуры: поиск «излишков», составление проектов участков, их утверждение временными комиссиями и регистрацию прибывших семей (Тлеубекова, 2021б: 76–82). А. Е. Бектурганов, Н. К. Байгабатова и Г. М. Исакова связали военную, казачью и крестьянскую колонизацию с изменением полиэтнического состава региона (Бектурганов и др., 2015: 41–57).

В историографии сохраняется различие между двумя объяснительными моделями. Первая подчеркивает модернизационные последствия: рост городов, развитие земледелия, торговли, дорог и новых административных институтов. Вторая сосредоточена на принудительном характере завоевания, изъятии земель и разрушении кочевых маршрутов. Эти оценки не обязательно исключают друг друга, но требуют ясного определения причинной связи. Новые дороги и рынки действительно меняли хозяйство края, однако доступ к их преимуществам распределялся неравномерно. Кредитование новоселов и государственное финансирование ирригации сочетались с сокращением пастбищного фонда коренного населения. Поэтому развитие инфраструктуры следует рассматривать вместе с вопросом о том, кто получал землю, воду, ссуды и административную защиту.

Результаты. Первой устойчивой опорой империи на подступах к Жетысу стал Аягузский округ, учрежденный в 1831 году. Его территория охватывала пространство от Чингизтау и долины Аягуз до северо-восточного побережья Балхаша, Тарбагатая и направлений к Лепсы. Значение округа определялось не только географией. Через него администрация получала возможность вмешиваться в распределение пастбищ, поддерживать одни группы в спорах с другими и собирать сведения о положении южнее Балхаша. Учреждение округа не означало полного контроля над Жетысу, однако создавало площадку для дальнейшего движения.

Внутренняя ситуация в регионе была сложной. Х. Аргынбаев, М. Муканов и В. Востров показывают, что в конце XVIII — начале XIX в. часть найманов перемещались в сторону

Аягуза, Кокпекты, Аксу и Тарбагатай, затем к Алаколю, Сасыкколю, Тентек, Лепсы и Караталу; продвижение сопровождалось спорами за уголья между группами Среднего и Старшего жузов (Аргынбаев и др., 2000: 317). Эти сведения важны не как доказательство «пустоты» земель, а как характеристика уже существовавшей подвижной системы расселения. Часть родов Старшего жуза искала внешнюю поддержку. По данным И. Жансугурова, в 1819 году жалайыры и шапырашты во главе с Сюком Абылайхановым приняли российское подданство в обстановке земельных конфликтов (Жансугуров, 2001: 10). Этот шаг не следует понимать как безусловное согласие на будущую колонизацию: для местных лидеров речь могла идти об ограниченном политическом покровительстве, тогда как имперская администрация толковала подданство как основание для расширения юрисдикции.

Создание Аягузского округа изменило соотношение сил. Российские чиновники получили возможность оформлять границы волостей и определять принадлежность зимовок. Н. Е. Бекмаханова отмечала, что учреждение Аягузского, Каркаралинского и Кокбектинского округов вызвало новые споры за Аксу, Лепсы и другие земли, которые использовали роды Старшего жуза (Бекмаханова, 1980: 152). Имперская власть выступала арбитром, но ее решения одновременно расширяли административное пространство России. Просьба султанов и биев 1845 года «открыть» округ на Каратале показывала, насколько тесно местные конфликты переплетались с продвижением внешней власти.

Восстание Кенесары Касымулы обнаружило слабость созданной системы. Переход движения в Жетысу создавал перспективу объединения части Старшего и Среднего жузов. Военные экспедиции не могли постоянно действовать на большой территории без крепостей, складов и надежных путей снабжения. После поражения Кенесары правительство сделало вывод, что удержание региона требует не временных отрядов, а постоянной военно-административной инфраструктуры. В этом смысле антиколониальное движение не только замедлило продвижение империи, но и повлияло на выбор последующей модели контроля (Касымбаев, 1993: 79).

Капальское укрепление, построенное в 1846–1847 годах, стало следующей опорой. Оно прикрывало направление к Илийской долине и позволяло поддерживать постоянный отряд. В 1848 году было учреждено Приставство Большой орды, подчиненное генерал-губернатору Западной Сибири. Формально пристав отвечал за внешнее управление казахами Старшего жуза, охрану границы, торговлю и строительство. Фактически его полномочия соединяли военные, дипломатические, полицейские и разведывательные функции. Под командованием пристава находились казачьи подразделения, а к управлению были прикреплены старшие султаны.

Включение Сюка Абылайханова, Али Адилова и Акимбека Куланова в служебную систему показывает, что империя предпочитала действовать через местных посредников. Жалованье, чины и награды создавали зависимость части элиты от администрации. Вместе с тем посредничество не означало полного контроля над обществом. Султаны и бии сохраняли собственные интересы, могли менять политическую ориентацию и сталкивались с сопротивлением внутри родов. Колониальная власть строилась на персональных связях, которые приходилось постоянно поддерживать.

Наиболее заметным проявлением сопротивления в Илийском крае стала борьба Тойшыбек бия Касаболатулы. Укрепление на реке Аксу контролировало важный путь между Кульджой и Ташкентом и имело не только военное, но и экономическое значение. В 1850 году экспедиция капитана К. К. Гутковского попыталась уничтожить укрепление. Местные проводники Кендирбай би, султан Абылай и Ашекей би использовали знание местности, задерживая продвижение отряда. Оборона объединила несколько тысяч казахских и кыргызских воинов. Российский отряд, зависевший от артиллерии и обоза, был вынужден отступить.

Поражение экспедиции показало пределы военного превосходства на незнакомой территории. Артиллерия обеспечивала преимущество только при наличии дорог, проводников и снабжения. В 1851 году новая экспедиция под командованием И. С. Карбышева была

подготовлена скрытно и насчитывала 1371 военнотружущего. Администрация стремилась разобщить противников и привлечь на свою сторону влиятельных лиц. Защитники оставили укрепление до подхода превосходящих сил, после чего оно было разрушено. Затем последовали наказания аулов и усиление контроля над дулатскими правителями (Махаева, 2006: 115).

Экспедиции против Тойшыбека раскрывают сочетание насилия и политической работы. Империя не ограничивалась боем: она использовала высылку, заложничество, перераспределение должностей и угрозу наказания. Сопротивление также не было единым. Одни группы поддерживали Тойшыбека, другие сохраняли нейтралитет или сотрудничали с русскими отрядами. Поэтому противопоставление «империя — местное население» требует уточнения. Линии конфликта проходили внутри казахского и кыргызского общества, а администрация сознательно использовала эти различия.

В 1853 году отряд М. Д. Перемышльского вышел к Ушалматы. В 1854 году было основано укрепление Верное на территории, имевшей удобные пастбища, сенокосы и водные ресурсы. А. И. Бернштам связывал выбор места с существовавшим здесь старым поселением Алматы (Бернштам, 1948: 17). Крепость стала центром, из которого контролировались Заилийская долина и пути к Чу. Вслед за военными появились станицы и крестьянские поселения. В 1855 году в Верное, Лепсы и Карабулак переселили 344 семьи казаков и крестьян, в 1856 году — еще 326 семей.

Образование Алатауского округа в 1856 году оформило административное закрепление завоеваний. Центр первоначально находился в Капале, а с 1862 года — в Верном. Начальник округа обладал широкими военными и гражданскими полномочиями. Местное население привлекалось к поставкам транспорта, фуража и продовольствия. Отказ выполнить требование администрации мог трактоваться как политическая нелояльность. Полицейский надзор распространялся на передвижение людей, ношение оружия и контакты с Кокандом и Китаем. Округ одновременно служил базой разведки и дипломатических контактов.

Утверждение власти в Жетысу оставалось связанным с борьбой против Кокандского ханства. В 1860 году российские войска разрушили Токмак и Пишпек, после чего кокандское командование предприняло контрнаступление. В Узынагашском сражении на стороне Коканда действовали казахские и кыргызские отряды, включая сторонников сыновей Кенесары, батыров Сураншы и Байсеита. Победа российских войск была обеспечена прежде всего артиллерией и организацией снабжения. С этого времени контроль над Илийским краем стал значительно устойчивее, хотя вооруженное сопротивление и локальные конфликты не прекратились.

Захват Пишпека в 1862 году и включение северной части Кыргызстана в Алатауский округ открыли путь к соединению Сибирской и Сырдарьинской линий. В 1864 году отряд М. Г. Черняева выступил из Верного, а отряд Н. А. Вережкина — из Перовска. Эта операция показывает стратегическую роль Жетысу: регион превратился из объекта завоевания в плацдарм для дальнейшего наступления на Аулие-Ату, Туркестан, Шымкент и Ташкент. Военная экспансия в Южный Казахстан была продолжением инфраструктурного накопления, происходившего в Жетысу с 1830-х годов.

Следующей стадией стало казачье освоение. Станицы формировали цепь поселений вокруг крепостей и вдоль дорог. Казачество выполняло одновременно военную, полицейскую и хозяйственную функции. К концу XIX века, кроме Верного, в регионе существовали Сергипольская, Урджарская, Лепсинская, Сарканская, Копальская, Каскеленская, Софийская, Надеждинская, Большая и Малая Алматинские и другие станицы. В 1894 году население Семиреченского казачьего войска составляло около 32,5 тыс. человек, из них 25 тыс. относились к войсковому сословию и 7,5 тыс. были иногородними. В распоряжении войска находилось около 600 тыс. десятин земли (Бектурганов и др., 2015: 41–42).

Казачья колонизация создала пространственный каркас для крестьянского переселения, но между ними были различия. Казак получал землю в связи со службой и входил в военную организацию. Крестьянин-переселенец прибывал как земледелец, а его устройство зависело от

переселенческого законодательства и наличия подготовленного участка. С конца XIX века государство все активнее направляло поток выходцев из внутренних губерний. Земля стала рассматриваться как фонд, который можно выявить, измерить, поделить на душевые доли и заселить.

Правительственная политика прошла путь от ограничения самовольного переселения к его регулированию и поддержке. Закон 13 июля 1889 г. стремился поставить движение под административный контроль. Статья 120 Положения 1891 г. закрепляла землю за кочевниками в бессрочном общественном пользовании, но примечание к ней передавало «излишки» в распоряжение государства (Положение, 1891: 143). После возвращения Семиреченской области в Туркестанское генерал-губернаторство в 1897 г. эта норма продолжала определять практику землеустройства. Ревизия Палена выявила, что разработанные для Степного края нормы применялись к иной природно-хозяйственной среде Жетысу без полноценного агрономического и гидрографического обследования (Morrison, 2012: 18–20).

Сравнительная статистика подтверждает изменение этнодемографического состава. В 1897 г. в Семиреченской области насчитывалось 987 863 жителя. По родному языку 794 815 человек были отнесены переписью к «киргиз-кайсацкому» населению, 76 839 — к великорусскому, 18 611 — к малорусскому, 55 999 — к таранчинскому и 14 130 — к китайскому; следовательно, русско- и украиноязычное население составляло около 9,7 % жителей области (Тройницкий, 1905: XII). Имперская номенклатура не всегда позволяет надежно разделить казахов и кыргызов, поэтому эти данные используются как исходный, но не исчерпывающий срез.

К 1908 г., по материалам ревизии Палена, в Туркестане насчитывалось немногим более 100 тыс. официально устроенных крестьян-колонистов, из них около 65 тыс. проживали в Семиречье; не меньшее число самовольных переселенцев занимало землю без окончательного оформления или арендовало ее у казахов и кыргызов (Morrison, 2012: 13). К 1911 г. в области проживало свыше 150 тыс. русских земледельцев среди почти миллиона представителей кочевого населения, а к 1916 г. переселенцы, составлявшие менее четверти жителей, контролировали 67,3 % земельного фонда (Chokobaeva, 2016: 44). Показатели относятся к разным учетным категориям и не должны механически складываться, однако в совокупности они фиксируют быстрый рост пришлого населения и еще более быстрое перераспределение земли.

Таблица 1 - Сравнительные демографические и землеустроительные показатели по Семиреченской области

Год	Показатель	Значение	Источник и предел сопоставимости
1897	Население по родному языку	987 863 жителей; великорусский — 76 839, малорусский — 18 611; вместе 95 450, или 9,7%	(Тройницкий, 1905: XII). Языковые категории переписи не тождественны современной этнической классификации.
1908	Официально устроенные крестьяне-колонисты	Около 65 тыс.; число самовольных переселенцев оценивалось как сопоставимое	(Morrison, 2012: 13). Показатель не охватывает все русскоязычное население и не складывается с переписью напрямую.
1910	Проекты участков Верненского подрайона	32 участка общей площадью 71 351 дес.	(Обзор Семиреченской области, 1911: 2). Это проектная площадь, а не доказательство фактического заселения.
1911	Русские земледельцы и кочевое население	Свыше 150 тыс. земледельцев при почти 1 млн представителей кочевого населения	(Chokobaeva, 2016: 44). Сопоставляются хозяйственно-административные, а не строго этнические категории.
1916	Доля переселенцев и земельный контроль	23,8% населения; 67,3% земельного фонда	(Chokobaeva, 2016: 44). Показатель характеризует концентрацию земли, а не долю населения.

Примечание. Показатели отражают разные стадии и категории учета; они сопоставляются как последовательные срезы, но не суммируются.

В начале XX века управление переселением стало специализированным. В 1905 году в Жетысу был создан переселенческий комитет, а территория области была разделена на подрайоны. К концу 1908 года, по сведениям, обобщенным в современной литературе, было зарегистрировано 8403 переселенческие семьи общей численностью 52 893 человека, в том числе 28 493 мужчины и 24 400 женщин (Бектурганов и др., 2015: 54). Сам масштаб регистрации показывает, что речь шла уже не о единичных поселениях, а о постоянном миграционном потоке.

Отчет за 1910 год позволяет увидеть механику процесса. В начале документа прямо говорится, что землеустроительные партии занимались выяснением «колониционной емкости» подрайонов, поиском площадей для включения в переселенческий фонд и изучением землепользования казахских и кыргызских волостей. Параллельно проектировались постоянные наделы для части коренного населения, которую предполагалось перевести к оседлому образу жизни (Обзор Семиреченской области, 1911: 1). Таким образом, землеустройство решало две взаимосвязанные задачи: освобождало территорию для переселенцев и меняло пространственную организацию местного хозяйства.

В Верненском подрайоне в 1910 году проектировались участки почти во всех волостях южной части уезда, а также в Чиликской и Турайгырской волостях Джаркентского уезда. Всего было намечено 32 участка общей площадью 71 351 десятина, из которых 62 958 десятин считались удобными. Часть земли предназначалась для специальных нужд, включая прирезки к казачьим станицам, но остальные участки образовывали переселенческий фонд, рассчитанный на 4694 душевые доли. В отчете подчеркивалось, что большинство участков пригодно к немедленному заселению и не требует искусственного орошения (Обзор Семиреченской области, 1911: 2).

За тот же год в Верненском подрайоне зарегистрировали 837 семей, в которых насчитывался 2671 мужчина и 2238 женщин. На участки зачислили 1019 семей, а фактически водворили 813 семей. Переселенцам выдали домообзаводственные ссуды на 66 377 руб. 86 коп. и предметные ссуды плугами и косами на 17 225 руб. 88 коп. (Обзор Семиреченской области, 1911: 2). Эти цифры показывают не только интенсивность движения, но и неравенство институциональной поддержки. Новосел получал участок, кредит и инвентарь через специальное учреждение, тогда как хозяйственные потери местного населения учитывались в иной логике — через определение норм и «остатков» земли.

В Нарынском подрайоне было подготовлено 26 участков общей площадью 120 688 десятин, из них 92 260 десятин удобной земли, рассчитанной на 7434 душевые доли. Все эти земли обозначались как колониационный фонд (Обзор Семиреченской области, 1911: 4). В Копальском подрайоне за 1910 год зарегистрировали 614 переселенческих семей, включавших 2161 мужчину и 1760 женщин; водворили 868 семей, а к существующим поселениям причислили еще 113 семей с 462 мужчинами (Обзор Семиреченской области, 1911: 6). Разница между числом зарегистрированных, зачисленных и водворенных семей отражает движение очереди, повторный учет и использование фондов, созданных в предыдущие годы.

Данные по Лепсинскому подрайону особенно наглядно показывают, как в одном проекте сочетались разные категории землепользователей. В одной группе волостей было запроектировано 15 участков площадью 30 768 десятин, из которых 23 011 считались удобными. Три участка предназначались для оседлого устройства казахов и охватывали 9855 десятин, в том числе 7265 удобных, рассчитанных на 734 душевые доли. Один переселенческий участок имел площадь 4805 десятин, из которых 4563 были удобными, и рассчитывался на 448 долей. Остальные земли предназначались для прирезки к старожильческим крестьянским селениям (Обзор Семиреченской области, 1911: 6). Официальная классификация уравнивала разные хозяйственные системы в единой таблице, но последствия выделения земли для каждой группы были различны.

Землеустроительная съемка не просто фиксировала существующее пользование. Она меняла его. Кочевое хозяйство нуждалось в связанных между собой сезонных пастбищах, путях прогона и доступе к воде. Если отдельный участок в момент обследования не

использовался постоянно, чиновник мог признать его свободным или избыточным. При этом засушливое пастбище сохраняло хозяйственную ценность как резерв на неблагоприятный год, а удаленный участок мог быть необходим для перехода между зимовкой и летовкой. Расчеты душевых долей плохо отражали эту взаимозависимость.

Ведомственный термин «излишек» имел практическую силу. Сначала устанавливалась предполагаемая норма землепользования, затем площадь волости сопоставлялась с числом кибиток или душ, после чего остаток мог поступить в государственный фонд. Ревизионные материалы показывают, что земля, объявленная избыточной, нередко уже была орошена, распахана или занята зимовками. Создание 59 русских селений в Семиречье сопровождалось перемещением 5169 казахских и кыргызских хозяйств; компенсация, когда она выплачивалась, составляла от 5–6 до 30 руб. на хозяйство (Morrison, 2012: 18–19).

Картографические данные подтверждают пространственную избирательность этого процесса. На карте Семиреченской области 1912 г. переселенческие, казачьи и запасные участки концентрировались в наиболее благоприятных речных долинах и предгорьях, тогда как массивы, обозначенные как казахские и скотоводческие, были значительно более фрагментированы (Байгабатова, 2024: 152–153). Поэтому площадь отвода сама по себе не передает его хозяйственного эффекта: утрата водного источника, зимовки или коридора перегона могла нарушить использование гораздо большей территории.

Другая проблема заключалась в подвижности границ хозяйственного пользования. Засуха, джут или эпизоотия заставляли аулы изменять маршруты. Территория, не занятая в год съемки, могла использоваться при иных природных условиях. Землемер стремился закрепить устойчивую границу, тогда как жизнеспособность кочевого хозяйства зависела от возможности эту границу пересекать. Таким образом, столкновение происходило не только между группами населения, но и между двумя способами организации пространства — административно-кадастровым и сезонно-мобильным.

Ирригация усиливала селективность колонизации. Вода определяла возможность земледелия и стоимость участка. Переселенческая организация обследовала каналы, планировала их проведение и решала споры о водопользовании. На странице 18 обзора перечислены проекты по распределению воды рек Большой Алматинки, Каргалы и Бурундайки в Верненском уезде, проведению канала от Тюпа и водоснабжению селений Пишпекского уезда (Обзор Семиреченской области, 1911: 18). Контроль над водой превращался в продолжение земельной политики, особенно в долинах с поливным земледелием.

География землеустройства была неравномерной. В предгорьях Заилийского и Джунгарского Алатау ценились участки, где сочетались вода, сенокос и возможность пашни. В высокогорье и засушливых районах устройство поселка требовало больших расходов, а земледельческий риск возрастал. Поэтому переселенческие учреждения выбирали не просто свободное пространство, а наиболее удобные узлы. В результате сравнительно небольшая площадь изъятия могла иметь для местного населения значение, несоразмерное ее доле в территории волости: водный источник или зимовка обеспечивали использование значительно более широкого массива пастбищ.

Переселенческая политика влияла на административное устройство региона. В отчете за 1910 г. перечислены новые селения Верненского, Копальского, Лепсинского и Джаркентского уездов. Их основание расширяло сеть постоянных поселений и создавало предпосылки для дальнейшего административного освоения территории. Вместе с заселением развивалась местная инфраструктура, включая учреждения управления, школы и почтовое сообщение, а также укреплялся полицейский надзор.

Колонизация имела не только конфронтационное измерение. Новые поселения создавали рынки сбыта, спрос на наемный труд и возможности для обмена хозяйственными навыками. Часть казахских хозяйств расширяла посевы, арендовала землю, продавала скот и продукты в городах и станицах. Однако адаптация происходила в условиях неравного доступа

к административным ресурсам. Возможность участвовать в рынке не отменяла утраты пастбищ или необходимости менять маршруты перекочевков.

Неравенство проявлялось и в распределении рисков. Государство частично принимало на себя расходы по устройству переселенца: финансировало съемку, выдавало ссуды, направляло агрономов и строило каналы. Если участок оказывался неудачным, семья могла просить о переводе или дополнительной помощи. Потери кочевого хозяйства от сокращения пастбищ, напротив, чаще оставались внутри аула. Они выражались не только в прямом уменьшении поголовья, но и в увеличении расстояния переходов, оплате аренды и конфликтах за оставшиеся угодья. В официальной отчетности эти расходы почти не имели денежного выражения и потому были менее заметны.

Вместе с тем коренное население искало способы использовать новые институты. Прошения, обращения к уездному начальнику и участие в комиссиях становились частью борьбы за землю. Султаны и бии, а позднее волостные управители могли выступать посредниками при составлении списков и проведении границ. Такая практика открывала пространство для переговоров, но также усиливала внутреннее социальное расслоение. Хозяйства, имевшие связи с администрацией или возможность арендовать землю, приспособлялись легче, чем бедные скотоводы.

Изменение этнодемографического состава также было сложнее простой замены одного населения другим. Наряду с русскими и украинскими крестьянами в Жетысу переселялись уйгуры и дунгане из Илийского края, действовали татарские купцы, проживали кыргызские группы. Регион становился более многоэтничным, но разные миграции имели неодинаковые причины и правовой режим. Уйгурское и дунганское переселение 1880-х годов было связано с международными соглашениями и переходом Илийского края под власть Цинской империи. Крестьянское переселение из европейской России поддерживалось специализированными государственными учреждениями. Объединять эти движения в одну категорию «заселения» без учета причин было бы неверно.

К 1910-м годам земельный вопрос превратился в главный источник напряжения. Рост числа переселенческих участков ограничивал возможности хозяйственной компенсации внутри волостей. Потерю одного пастбища еще можно было восполнить изменением маршрута; последовательное изъятие долин, сенокосов и водных точек разрушало связность всей системы. Земельные споры сопровождались конфликтами с администрацией, станицами и селениями, а также усиливали различия внутри самого казахского общества между хозяйствами, имевшими неодинаковое количество скота и разные связи с властью.

Восстание 1916 года нельзя объяснить только земельным вопросом. Непосредственным поводом стал указ 25 июня о мобилизации инородческого мужского населения на тыловые работы. Из 250 тыс. человек, намеченных к призыву в Туркестане, на Семиреченскую область приходилось 50 тыс.; решение принималось при отсутствии точных метрических записей, что заранее создавало условия для произвольного составления списков (Sokol, 1954: 74, 78). Ситуацию обостряли военные реквизиции, рост налогов, дороговизна, продовольственный дефицит и недоверие к администрации. В 1914 г. из Сырдарьинской области и Семиречья был реквизирован примерно 1 млн овец, а в 1916 г. дефицит зерна в Семиречье достиг 22 млн пудов (Chokobaeva, 2016: 45). Таким образом, мобилизационный указ действовал в обществе, уже испытывавшем сильное ресурсное и административное давление.

Связь между землей и восстанием подтверждается не только позднейшей историографией, но и документами, составленными до и во время выступления. В докладе верненского розыскного пункта 1915 г. изъятие кочевий, отсутствие своевременного устройства переходивших к оседлости и преимущества новоселам связывались с недовольством властью и враждой к переселенцам. В телеграмме МВД от 19 августа 1916 г. генерал-губернатор А. Н. Куропаткин среди причин выступления в Семиречье назвал реквизицию рабочих и деятельность землеотводных партий (Котюкова, 2016: 57–60). Сводные материалы 1960 г. дополняют эту картину донесениями уездных начальников, перепиской военных властей и сведениями о подавлении восстания (Восстание..., 1960). Однако

административный корпус отражает прежде всего взгляд власти; поэтому он сопоставлен с очерками И. Жансугурова по Джаркентскому и Лепсинскому уездам и с современной реконструкцией событий (Буланов, 2025: 633–649; Morrison et al., 2019: 145–168). Совпадение независимых групп свидетельств позволяет говорить о земельной политике как о структурной предпосылке, не отменяя роли войны, мобилизации и локальных конфликтов.

Подавление восстания привело к массовому уходу казахов и кыргызов в Китай, гибели людей и утрате имущества. Осенью 1916 г. администрация планировала переселить 80 тыс. кыргызов из восставших волостей Пишпекского уезда в создаваемый Нарынский уезд (Котюкова, 2016: 95–99). После Февральской революции возвращавшиеся беженцы сталкивались с отказом в доступе к прежним землям и продолжающимся насилием со стороны части переселенцев (Chokobaeva, 2016: 74–106; Morrison et al., 2019: 209–226). С. Д. Асфендияров приводил сведения о намерении Временного правительства освободить часть лучших земель в Каракольском и Пишпекском уездах, одновременно отмечая продолжение самовольных захватов (Асфендияров, 1936: 135). Следовательно, земельный конфликт не только предшествовал восстанию, но и определял трудности возвращения беженцев после смены власти.

Таким образом, в развитии колонизации Жетысу можно выделить четыре взаимосвязанных механизма. Военный механизм создавал крепости, линии снабжения и возможность применять силу. Административный закреплял юрисдикцию через округа, приставство, полицию и суд. Посреднический вовлекал часть султанов и биев в имперскую службу и использовал местные конфликты. Землеустроительный превращал территорию в измеряемый фонд и направлял на подготовленные участки переселенцев. Их сочетание, а не действие одного фактора, изменило регион.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что колонизация Жетысу имела длительный и многоуровневый характер. Учреждение Аягузского округа не обеспечило немедленного подчинения Старшего жуза, но создало первую устойчивую административную опору на северо-восточных подступах к региону. Восстание Кенесары и сопротивление Тойшыбек бия выявили ограниченность эпизодических военных экспедиций. В ответ империя построила Капал и Верное, учредила Приставство Большой орды и Алатауский округ, соединив военную силу с постоянным наблюдением, дипломатией и работой через местных посредников.

Второй вывод состоит в том, что военное завоевание и аграрная колонизация были разделены во времени, но институционально связаны. Крепости, станицы, дороги и окружные учреждения обеспечили безопасность и управление территориями, на которых позднее действовали землеустроительные партии. Жетысу стало не только объектом экспансии, но и базой для походов в Южный Казахстан. После установления устойчивого контроля военная функция не исчезла, однако повседневная работа колонизации постепенно перешла к гражданским и смешанным учреждениям.

Третий вывод касается роли местного общества. Казахские и кыргызские группы не были пассивными участниками процесса. Они сопротивлялись, вступали в ситуативные союзы, добивались покровительства, меняли политическую ориентацию и использовали конкуренцию внешних сил. Одновременно имперская администрация присваивала этим решениям юридический смысл, выходящий за пределы первоначальных намерений местных лидеров. Подданство, просьба об открытии округа или участие султана в службе становились аргументами для расширения контроля над территорией и населением.

Четвертый вывод подтверждается сопоставлением переписной и ведомственной статистики. В 1897 г. русско- и украиноязычное население составляло около 9,7 % жителей Семиреченской области; к 1908 г. здесь находилось около 65 тыс. официально устроенных крестьян-колонистов и сопоставимое число самовольных переселенцев, а к 1916 г. переселенческое население, оставаясь меньшинством, контролировало более двух третей земельного фонда. Одновременно переселенческая организация обследовала

землепользование, проектировала участки, регистрировала семьи, выдавала ссуды и проводила ирригационные работы. Это показывает, что демографическая трансформация была связана не только с миграционным притоком, но и с институционально неравным доступом к земле и государственной поддержке.

Пятый вывод связан с механизмом последствий. Душевая норма и категория «излишков» не учитывали резервную функцию пастбищ, климатические колебания и необходимость переходов между зимовками и летовками. Выбор наиболее удобных земель, водных точек и орошаемых долин фрагментировал хозяйственное пространство; поэтому значение конкретного отвода не сводилось к его площади. Новые поселения расширяли рынки и городскую сеть, но выгоды и риски распределялись неравномерно: новосел получал участок, кредит и инвентарь, тогда как потери местного хозяйства редко выражались в ведомственной отчетности.

Наконец, документальные свидетельства позволяют уточнить связь земельного вопроса с кризисом 1916 г. Землеотводные партии прямо назывались администрацией среди факторов выступления, однако восстание возникло при соединении длительного земельного давления с мобилизационным указом, налогами, реквизициями, продовольственным кризисом и страхом взаимного уничтожения. Тем самым авторы статьи отказываются и от сведения восстания к одной причине, и от исключения земельной политики из комплекса его причин.

Дальнейшее исследование требует сопоставления отчетов переселенческой организации с волостными материалами, прошениями местного населения и картами землеустроительных партий. Особенно важно проверить, как проектируемые участки осваивались фактически и какие земли оставались незаселенными после включения в фонд. Такой анализ позволит точнее отделить административный замысел от реального изменения хозяйственного пространства Жетысу.

References

- Abenova, 2019 — *Abenova B. S.* Resei imperiiasynyn kazak olkesindegi aimaktyk saiasaty [Regional policy of the Russian Empire in the Kazakh region]. Aktobe: Zhubanov University, 2019. 398 p. (In Kaz.)
- Alektorov, 1900 — *Alektorov A. E.* Ukazatel knig zhurnalnykh i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh [Index of books journal and newspaper articles and notes about the Kazakhs]. Kazan: Printing House of the Imperial University, 1900. (In Russ.)
- Argynbaev et al., 2000 — *Argynbaev H., Mukanov M., Vostrov V.* Qazaq shezhiresi haqynda [On the Kazakh Genealogy]. Comp. A. Pirmanov. Almaty: Atamura, 2000. 464 p. (In Kaz.)
- Asfendiiarov, 1936 — *Asfendiiarov S. D.* Natsionalno osvoboditelnoe vosstanie 1916 goda v Kazakhstane [The national liberation uprising of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata; Moscow: Kazakhstan Regional Publishing House, 1936. 150 p. (In Russ.)
- Baigabatova, 2024 — *Baigabatova N. K.* Etnogeografiia i chislennost kazakhov Zhetysu v kontse XIX – nachale XX veka [Ethnogeography and number of Qazaqs in Zhetysu at the end of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries]. *Qazaq Historical Review*. 2024. Vol. 2. No. 2. Pp. 134–156. DOI: 10.69567/3007-0236.2024.2.134.156. (In Russ.)
- Bekmakhanov, 1957 — *Bekmakhanov E. B.* Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [The accession of Kazakhstan to Russia]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1957. 342 p. (In Russ.)
- Bekmakhanova, 1980 — *Bekmakhanova N. E.* Formirovanie mnogonatsionalnogo naseleniia Kazakhstana i Severnoi Kirgizii [Formation of the multinational population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan]. Moscow: Nauka, 1980. 280 p. (In Russ.)
- Bekturganov et al., 2015 — *Bekturganov A. E., Baigabatova N. K., Iskakova G. M.* Odnа strana odna sudba iz istorii formirovaniia polietnichnogo sostava naseleniia Zhetysu [One country one destiny from the history of the formation of the multiethnic population of Zhetysu]. *Taldykorgan*, 2015. 360 p. (In Russ.)
- Bernstam, 1948 — *Bernstam A. I.* Proshloe raiona Alma Aty istoriko arkhеologicheskii ocherk [The past of the Alma-Ata region a historical and archaeological essay]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1948. 17 p. (In Russ.)

- Bulanov, 2025 — *Bulanov E.* Problemy natsionalno-osvoboditelnogo vosstaniia 1916 goda v proizvedeniiax Iliasa Zhansugurova [The 1916 national liberation uprising in the works of Ilyas Zhansugurov]. Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 3. Pp. 633–649. DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_3_633-649. (In Russ.)
- Chernienko, Toybayev, 2026 — Chernienko D. A., Toybayev A. Zh. Etnodemograficheskie protsessy v Zhetysuyskoy oblasti v kontse XIX – XXI v. (po dannym perepisey naseleniya) [Ethnodemographic Processes in the Zhetysu Region in the Late 19th–21st Centuries (Based on Population Census Data)]. Otan tarihy. 2026. T. 29. № 3. S. 1173–1194. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1173-1194 (In Russ.)
- Chokobaeva, 2016 — *Chokobaeva A.* Frontiers of Violence: State and Conflict in Semirechye, 1850–1938: PhD thesis. Canberra: The Australian National University, 2016. 203 p.
- Iskakova, Baigabatova, 2013 — Iskakova G. M., Baigabatova N. K. Iz istorii pereseleniia slavianskogo naseleniia v Zhetysu (konets XIX – nachalo XX vv.) [From the history of Slavic resettlement in Zhetysu]. Vestnik Zhetysu State University. 2013. No. 4. Pp. 72–77. (In Russ.)
- Kasymbaev, 1993 — *Kasymbaev Zh.* Kenesary khan [Kenesary Khan]. Almaty: Kazakhstan, 1993. 112 p. (In Kaz.)
- Kaufman, 1905 — *Kaufman A. A.* Pereselenie i kolonizatsiia [Resettlement and colonization]. Saint Petersburg: Obshchestvennaia polza, 1905. 443 p. (In Russ.)
- Koigeldiev, 2004 — *Koigeldiev M. K.* Zhetisudagy Resei biligi (XIX g. – 1917 zh.) [Russian rule in Zhetysu (the nineteenth century–1917)]. Astana: Elorda, 2004. 216 p. (In Kaz.)
- Kotiukova, 2016 — Vosstanie 1916 goda v Turkestane: dokumentalnye svidetelstva obshchei tragedii [The 1916 Uprising in Turkestan: Documentary Evidence of a Common Tragedy]. Comp. T. V. Kotiukova. Moscow: Mardzhani, 2016. 468 p. (In Russ.)
- Makhaeva, 2006 — *Makhaeva A. Sh.* Toishybek bi zhane onyn zamany [Toishybek Bi and his time]. Almaty: Baianzhurek, 2006. 202 p. (In Kaz.)
- Morrison et al., 2019 — The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. Eds. A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2019. XIX, 360 p. DOI: 10.7765/9781526129437.
- Morrison, 2012 — *Morrison A.* “Sowing the Seed of National Strife in This Alien Region”: The Pahlen Report and Pereselenie in Turkestan, 1908–1910. Acta Slavica Iaponica. 2012. Vol. 31. Pp. 1–29.
- Morrison, 2020 — *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 613 p.
- Mukhatova et al., 2020 — *Mukhatova O. H., Tleubekova G. B., Baigabatova N. K.* The Role of the Resettlement Institution of Semirechenskaya Oblast in Solving the Land Issue of the Russian Empire. Bylye Gody. 2020. Vol. 56. No. 2. Pp. 640–651. DOI: 10.13187/bg.2020.2.640.
- Obzor Semirechenskoi oblasti, 1911 — Obzor Semirechenskoi oblasti za 1910 god [Survey of Semirechye Oblast for 1910]. Verny: Printing House of the Semirechye Oblast Administration, 1911. 200 p. (In Russ.)
- Polozhenie, 1891 — Polozhenie ob upravlenii oblastei Akmolinskoi, Semipalatinskoi, Semirechenskoi, Uralskoi i Turgaiskoi [Regulation on the administration of the Akmola, Semipalatinsk, Semirechye, Ural and Turgai oblasts]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Collection 3. Vol. XI. No. 7574. Saint Petersburg, 1891. P. 143. (In Russ.)
- Rumiantsev, 1910 — *Rumiantsev P. P.* Kirgizskii narod v proshlom i nastoiashchem [The Kazakh people in the past and present]. Saint Petersburg, 1910. 66 p. (In Russ.)
- Sokol, 1954 — Sokol E. D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1954. 188 p.
- Tleubekova, 2021a — *Tleubekova G. B.* Zhetisu konys audaru baskarmasynyn tarikhy zhane ölkedegi otarlau saiasatynyn zhuzege asyrylyuy [The history of the Semirechye Resettlement Administration and the implementation of colonial policy in the region]. Journal of History. 2021. Vol. 101. No. 2. Pp. 169–184. DOI: 10.26577/JH.2021.v101.i2.16. (In Kaz.)
- Tleubekova, 2021b — *Tleubekova G. B.* Zhetisu olkesinin konys audaru tarikhy na katysty derekter [Sources on the resettlement history of the Zhetysu region]. Edu.e-history.kz. 2021. No. 1 (25). Pp. 74–83. DOI: 10.51943/2710_3994_2021_25_1_74-83. (In Kaz.)
- Troinitskii, 1905 — Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. Vyp. 85: Semirechenskaia oblast [The First General Census of the Russian Empire, 1897. Issue 85: Semirechye Oblast]. Ed. N. A. Troinitskii. Saint Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905. (4), XII, 149 p. (In Russ.)
- Valikhanov, 1984 — *Valikhanov Ch. Ch.* Geograficheskii ocherk Zailiiskogo kraia [Geographical essay on the Trans-Ili region]. Collected Works in Five Volumes. Vol. 1. Alma-Ata: Main Editorial Office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1984. Pp. 173–180. (In Russ.)
- Valikhanov, 1985 — *Valikhanov Ch. Ch.* Zapiska o Kokandskom khanstve [A note on the Kokand Khanate]. Collected Works in Five Volumes. Vol. 3. Alma-Ata: Main Editorial Office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. Pp. 314–325. (In Russ.)
- Vosstanie..., 1960 — Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane: sbornik dokumentov [The 1916 Uprising in Central Asia and Kazakhstan: A Collection of Documents]. Comp. S. G. Agadzhanov et al.; ed. A. V. Piaskovskii. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960. 792, (2) p. (In Russ.)
- Zhansugirov, 2001 — *Zhansugirov I.* Zhetisu 1730–1916 [Zhetysu 1730–1916]. Almaty: Tsennye bumagi, 2001. 178 p. (In Kaz.)

Литература

- Абенова, 2019 — *Абенова Б. С.* Ресей империясының қазақ өлкесіндегі аймақтық саясаты. Ақтөбе: Жұбанов университеті, 2019. 398 б.
- Алекторов, 1900 — *Алекторов А. Е.* Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань: Типолитография Императорского университета, 1900. 970, 14, (2), VI с.
- Аргынбаев и др., 2000 — *Аргынбаев Х., Муқанов М., Востров В.* Қазақ шежіресі хақында / сост. Ә. Пірманов. Алматы: Атамұра, 2000. 464 б.
- Асфендияров, 1936 — *Асфендияров С. Д.* Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата; Москва: Казахстанское краевое издательство, 1936. 150 с.
- Байгабатова, 2024 — *Байгабатова Н. К.* Этногеография и численность казахов Жетысу в конце XIX – начале XX века // *Qazaq Historical Review*. 2024. Т. 2. № 2. С. 134–156. DOI: 10.69567/3007-0236.2024.2.134.156.
- Бекмаханов, 1957 — *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. 342 с.
- Бекмаханова, 1980 — *Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Москва: Наука, 1980. 280 с.
- Бектурганов и др., 2015 — *Бектурганов А. Е., Байгабатова Н. К., Исакова Г. М.* Одна страна — одна судьба: из истории формирования полиэтничного состава населения Жетысу. Талдыкорган, 2015. 360 с.
- Бернштам, 1948 — *Бернштам А. И.* Прошлое района Алма-Аты: историко-археологический очерк. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1948. 17 с.
- Буланов, 2025 — *Буланов Е.* Проблемы национально-освободительного восстания 1916 года в произведениях Ильяс Жансугурова // *Asian Journal «Steppe Panorama»*. 2025. Т. 12. № 3. С. 633–649. DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_3_633-649.
- Валиханов, 1984 — *Валиханов Ч. Ч.* Географический очерк Заилийского края. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 173–180.
- Валиханов, 1985 — *Валиханов Ч. Ч.* Записка о Кокандском ханстве. Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 314–325.
- Восстание..., 1960 — Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов / сост. С. Г. Агаджанов и др.; отв. ред. А. В. Пясковский. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. 792, (2) с.
- Жансүгіров, 2001 — *Жансүгіров І.* Жетісу 1730–1916. Алматы: Ценные бумаги, 2001. 178 б.
- Исакова, Байгабатова, 2013 — *Исакова Г. М., Байгабатова Н. К.* Из истории переселения славянского населения в Жетысу (конец XIX – начало XX вв.) // *Вестник Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова*. 2013. № 4. С. 72–77.
- Кауфман, 1905 — *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. 443 с.
- Котюкова, 2016 — Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. Москва: Марджани, 2016. 468 с.
- Қасымбаев, 1993 — *Қасымбаев Ж.* Кенесары хан. Алматы: Қазақстан, 1993. 112 б.
- Қойгелдиев, 2004 — *Қойгелдиев М. Қ.* Жетісудағы Ресей билігі (XIX ғ. – 1917 ж.). Астана: Елорда, 2004. 216 б.
- Махаева, 2006 — *Махаева А. Ш.* Тойшыбек би және оның заманы. Алматы: Баянжүрек, 2006. 202 б.
- Мухатова и др., 2020 — *Мухатова О. Х., Тлеубекова Г. Б., Байгабатова Н. К.* The Role of the Resettlement Institution of Semirechenskaya Oblast in Solving the Land Issue of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. No. 2. P. 640–651. DOI: 10.13187/bg.2020.2.640.
- Обзор Семиреченской области, 1911 — Обзор Семиреченской области за 1910 год. Верный: Типография Семиреченского областного правления, 1911. 200 с. разд. паг.
- Положение, 1891 — Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XI. № 7574. Санкт-Петербург, 1891. С. 143.
- Румянцев, 1910 — *Румянцев П. П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. Санкт-Петербург, 1910. 66 с.
- Тлеубекова, 2021a — *Тлеубекова Г. Б.* Жетісу қоныс аудару басқармасының тарихы және өлкедегі отарлау саясатының жүзеге асырылуы // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2021. Т. 101. № 2. С. 169–184. DOI: 10.26577/JH.2021.v101.i2.16.

Тлеубекова, 2021б — *Тлеубекова Г. Б.* Жетісу өлкесінің қоныс аудару тарихына қатысты деректер // Edu.e-history.kz. 2021. № 1 (25). Б. 74–83. DOI: 10.51943/2710_3994_2021_25_1_74-83.

Тройницкий, 1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 85: Семиреченская область / под ред. Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1905. (4), XII, 149 с.

Черниенко, Тойбаев, 2026 — *Черниенко Д. А., Тойбаев А. Ж.* Этнодемографические процессы в Жетысуской области в конце XIX – XXI в. (по данным переписей населения) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1173–1194. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1173-1194

Chokobaeva, 2016 — *Chokobaeva A.* Frontiers of Violence: State and Conflict in Semirechye, 1850–1938: PhD thesis. Canberra: The Australian National University, 2016. 203 p.

Morrison et al., 2019 — The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution / eds. A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2019. XIX, 360 p. DOI: 10.7765/9781526129437.

Morrison, 2012 — *Morrison A.* “Sowing the Seed of National Strife in This Alien Region”: The Pahlen Report and Pereselenie in Turkestan, 1908–1910 // Acta Slavica Iaponica. 2012. Vol. 31. P. 1–29.

Morrison, 2020 — *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 613 p.

Sokol, 1954 — *Sokol E. D.* The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1954. 188 p.